

Библии въ судьбахъ человѣчества признано одинаковымъ съ завѣтами Христа, при чемъ за послѣдними есть преимущество большей полноты истины, глубины и правильности.

Толстого радуетъ, что мудрость Христова ученія не только не расходится съ мудростью величайшихъ людей міра, душевное родство съ которыми чувствуетъ писатель, но наоборотъ, всѣ они имѣютъ въ себѣ крупинки Евангельской истины, не достигая могущества надъ душой Христа. Не значить ли это, что мудрость въ мірѣ одна, что она соединяетъ души всѣхъ лучшихъ людей и что высшимъ выраженіемъ ея является Христосъ?

«И я утвердился на этой истинѣ,—пишетъ престарѣлый писатель,—успокоился и радостно прожилъ послѣ этого двадцать лѣтъ своей жизни, и радостно приближаюсь къ смерти».

Богъ или человѣкъ Христосъ, но ученіе его писатель признаетъ «божескимъ»,—«оно такъ высоко и такъ дорого людямъ, что проповѣдника этого ученія люди признали Богомъ».

Для Толстого - мыслителя величайшая вѣсть Христа о томъ, что человѣкъ собою не кончается, что онъ не конеченъ и въ самой основной своей сущности опредѣляется чѣмъ-то безконечнымъ. И въ силу единенія съ этой живой душой міра «могу эту жизнь